— Винтовки давай!

Чубатый стрелял прямо с крыльца. По улице зачем-то прошагал солдат. В соседнем дворе слышался лошадиный визг и резкая команда. Расстреляв обойму, Григорий глянул через забор, там суетились немцы, закатывая орудия под навес сарая. Жмурясь от колючего сияния неба, Григорий глянул на рокочущую стальную птицу, оттуда в этот момент оторвалось что-то, резко сверкнуло в полосе солнечного луча. Потрясающий грохот встряхнул домик и приставших к крыльцу казаков. На соседнем дворе предсмертным визгом захлебнулась лошадь, острый серный запах хлынул из-за забора.

— Хоронись! — крикнул Чубатый, сбегая с крыльца.

Григорий прыгнул за ним следом, упал под заборчик. Крыло аэроплана сверкнуло какой-то отполированной частью, он вновь начинал заносить хвост. С улицы стрелки начали урочным залпом, сыпля беспорядочной частухой выстрелов. Григорий только что вложил обойму, как еще более потрясающий взрыв швырнул его на камень от забора. Щебень хлестнул его в голову, запорошил глаза, придавила тяжесть...

Его поднял на ноги Чубатый. Острая боль в левом глазу не давала ему возможности глядеть, с трудом раскрыв правый увидел: половина дома была разрушена, красным месивом (грудами) лежали кирпичи, над развалинами курилась розовая пыль. Из-под крыльца выполз Егор Жарков. Лицо его — сплошной крик, по щекам из вывалившихся глаз кровяные слезы. Он полз, вобрав голову в плечи, кричал, не разжимая трупно-почерневших губ.

— Аиии! Аиии! Аиии!

За ним на тоненьком лоскутке кожи волочилась оторванная (у бедра) нога, второй не было. Он полз медленно, переставляя руки, тонкий, почти детский, стонущий крик сверлился изо рта. Он оборвал крик и лег боком, плотно прижимая лицо к налосненной, соломой, загаженной конским пометом и осколками кирпича земле. К нему никто не подходил.

— Берите же его! — крикнул Григорий, не отрывая ладони от левого глаза.

Во двор забежали пехотинцы, возле ворот остановилась двуколка телефонистов, крикнул скакавший мимо офицер:

— Глядите, что стало! Эка, звери, хамье!..

3у.